

Во все времена железо стоило дорого. Обычный металл шёл по девять монет за лян, а за отборное, закалённое железо просили больше тридцати!

В итоге Вэй Чэн выложил за топор сто монет, а кухонный нож обошёлся ему в двадцать. Что же до котла, то самый маленький весил не меньше двух цзиней и был в фут шириной. Готовых котлов, которые подошли бы к очагу в их лачуге, в лавке не нашлось, так что пришлось оставить задаток и договориться зайти за заказом позже.

На обратном пути они наткнулись на разложившего свой товар бродячего торговца. Это был неряшливого вида мужик в засаленном халате; шмыгая носом, он сидел на корточках прямо на земле и выкрикивал зазывные слова, предлагая нехитрые поделки собственного изготовления. Труд это был ручной, затрат почти не требовал, потому и цены были низкими.

Юноша присмотрел и купил две деревянные миски, четыре тарелки, две пары палочек и четыре таза: два больших — умываться и мыть ноги, и два поменьше — под еду. Заметив ловушку-вершу, которая была даже больше той, что осталась в доме семьи Вэй, он снова загорелся мыслью о лесной охоте. Немного поразмыслив, он добавил к покупкам большую вершу и плетёную ивовую корзину.

Торговец шумно высморкался и, не особо стесняясь, вытер руку о рукав:

— Это старшие велели тебе вершу купить?

Он решил не откровенничать и лишь молча кивнул. Когда он уже доставал монеты, то заметил, как торговец так и впился глазами в его забитый соломой короб:

— Ты из каких краёв будешь? Корзина-то у тебя полнёхонька, донесёшь ли?

В эту пору ловушки на золотышей делали многие, и спрос на них был велик. Каждому было известно, сколько можно выручить за ценную лягушку зимой, так что интерес торговца был вовсе не случайным — он явно пытался выведать, не удачливый ли перед ним охотник.

Вэй Чэн, понимая, к чему клонит мужик, почесал в затылке и невозмутимо ответил:

— Мы из деревни Фэнмяо. Ноша не тяжёлая, справлюсь. Да и нет там ничего особенного — так, сухие листья на продажу да солома для растопки. Отец впереди, лекарство матери покупает... У нас ведь братец новорождённый, вот батюшка и велел посуду новую купить — на счастье.

В их краях существовал такой обычай: когда в семье рождался ребёнок, обязательно покупали новые миски и палочки.

Торговец понимающе кивнул:

— А-а, из Фэнмяо, значит.

Тот намеренно назвал деревню, которая находилась совсем в другой стороне от их жилья, далеко за горами.

За всё добро он отдал тридцать пять монет — цена вполне справедливая. Сложив миски, тарелки и свёрнутую вершу в новую ивовую корзину и не трогая свой основной короб, юноша сказал Горшочку:

— Пойдём, догоним «отца».

Горшочек, смекнув, что к чему, тоненьким голоском звонко согласился.

Пока они шли по улице, Вэй Чэн кожей чувствовал, что за ними кто-то следует. Поразмыслив, он преобразился: лицо его озарилось радостной улыбкой, и он замахал рукой какому-то рослому мужику, шедшему впереди:

— Папа! Папа! Мы здесь!

Малыш хоть и не понимал, что происходит, всегда повторял за братом. Он тоже принялся весело кричать и махать ручкой. Прохожие стали оборачиваться на шум, и Вэй Чэн ощутил, как навязчивый, колючий взгляд в спину наконец исчез.

Прибавив шагу, они почти поравнялись с тем мужчиной. Мальчик как бы невзначай обернулся — торговца и след простыл.

Высокий мужик недоумённо воззрился на детей:

— Вы это кому, малые?

— Простите, дяденька, обознались мы! Сзади-то вылитый наш батюшка! — вежливо отозвался Вэй Чэн.

Мужик лишь махнул рукой и поспешил дальше по своим делам.

Только теперь он смог облегчённо выдохнуть. Юноша больше не смел задерживаться в городе и поспешил к воловьей повозке. Похоже, в будущем им двоим нужно быть куда осторожнее при покупках.

Вернувшись в лачугу, Вэй Чэн усадил Горшочка на всё ещё тёплый кан, помог ему снять обувь и расстегнул пуговицы на куртке. Сунув малышу в руки пакет с цукатами, он принялся разбирать покупки.

Сначала он развесил мешки с мукой и рисом на вбитые в стену деревянные колышки — видимо, их оставил ещё старик Ван. Затем расставил на припечке приправы, соусы и вымытую посуду. Новый нож занял своё место рядом. Сравнив старую вершу с новой, юноша отметил, что семейная вещь сплетена искуснее, зато покупная была намного больше — в такую влезет куда больше золотышей.

Закончив с делами, он долго и с нескрытым удовольствием ощупывал новый топор. Теперь-то он сможет рубить настоящий хворост в лесу, а не просто ломать сухие ветки обухом кайла, на что уходило уйма сил, а выгоды почти не приносило.

— Братик, на, ешь!

Горшочек подбежал к нему и сунул в рот кусочек абрикосового цуката:

— Вкусно-то как! Совсем не такое, как сестрица давала.

Вэй Чэн прожевал лакомство. И впрямь — эти цукаты были кисло-сладкими, с тонким ароматом мёда, обвалянные в нежной сахарной пудре. Кожица была упругой, а мякоть — сочной и мягкой.

Разжёвывая сладость, он принялся высыпать монеты на кан:

— Ну-ка, давай посчитаем, сколько мы сегодня потратили и что осталось.

У торговца они оставили тридцать пять монет, за топор и нож отдали сто двадцать, а за котёл с учётом задатка выходило триста. Итого — четыреста пятьдесят пять монет. Рис, мука, соусы и сладости потянули на сто восемьдесят семь монет, да повозка в обе стороны — ещё четыре. Всего расходов на шестьсот сорок шесть монет.

Выручили они сегодня триста шесть монет, а в кошеле было два целых лян серебром. Выходило, что теперь у них осталось... один лян и шестьсот шестьдесят монет.

«Деньги текут как вода, а зарабатываются — словно в гору на коленях ползёшь» — подумал Вэй Чэн.

Впрочем, теперь им почти ничего не нужно было покупать, кроме подарка для старосты да тёплого ватного одеяла. Подарок семье Ли должен быть достойным — как минимум хорошее вино. А дарить одну бутылку не принято, нужно брать две, чтобы была пара.

С одеялом тоже медлить нельзя. К первому месяцу нового года морозы ударят с новой силой. Дров у них вдоволь, днём кан можно раскалить докрасна, но к глубокой ночи тепло уходит, и становится зябко. Одеяло у них совсем тонкое и куцее; Вэй Чэн не раз замечал, как малыш дрожит во сне под утро. Приходилось в полной темноте вставать и подбрасывать дров в печь. К тому же в первый месяц года в деревне не принято заниматься рукоделием, так что вату нужно купить как можно скорее.

Но одного ляна на всё явно не хватит. Придётся снова идти за золотышами.

Вэй Чэн протянул Горшочку целый слиток серебра:

— Положи это в свой горшочек. Этот лян мы трогать не будем, пусть лежит на самый чёрный день.

— Ладно! — кроха бодро соскочил с кана и притащил свою копилку.

Собирая медяки, Вэй Чэн случайно мазнул взглядом по глиняному сосуду и замер:

— Ты что, пока меня не было, мыл свой горшочек?

Малыш, обнимая копилку, удивлённо склонил голову:

— Нет.

Вэй Чэн тряхнул головой.

«Видать, в сумерках померещилось. Показалось вдруг, что грязи на нём поубавилось» — он пошёл греть воду в котелке, пора было варить кашу из проса с сушёной капустой.

А Горшочек остался на кане играть со своим сокровищем, негромко напевая под нос странную, лишённую всякого лада песенку:

— Медный горшочек, серебряный горшочек, золотой горшочек... Денежек много, стань горшочком...

На следующий день после полудня Вэй Чэн вместе с Горшочком отправился в деревню к матушке Доумяо за готовой одеждой. Он твёрдо решил этой же ночью выйти на охоту.

Внизу, в деревне, царило небывалое оживление. Женщины с ивовыми корзинами на руках,

мужики, степенно шагающие следом — все тянулись к окраине, где стоял дом старосты.

— Брат Чэн!

Вэй Чэн сразу узнал этот голос. Обернувшись, он увидел не только Ма Доумяо, но и Цюаньцзы, и Фан Вэня, и ещё нескольких деревенских мальчишек.

Фан Вэнь, завидев Вэй Чэна, лишь презрительно фыркнул и отвернулся, заговаривая с другими. Цюаньцзы, опустив глаза, последовал его примеру.

Простодушный Доумяо, не замечая этих тонкостей, радостно подбежал к другу:

— Брат Чэн! Наконец-то я тебя поймал! Ты заходил к нам, а меня дома не было, я к тебе поднимался — так на двери замок! Куда ты пропал, почему не заходишь?

— Да не пропадал я. Дрова в лесу заготавливал, верёвки крутил, возил в город продавать.

Вспомнив кое о чём, Вэй Чэн выудил из короба кусок зизифусового пирожного — утром они с малышом разделили одно на двоих, а это он приберёг для друга:

— Держи.

— Что это? — Доумяо без церемоний развернул бумагу и так и подпрыгнул: — Пирожное из зизифуса!

Юноша быстро огляделся по сторонам:

— Тише ты.

Не хватало ещё, чтобы кто-то увидел, как он, нищий сирота, угощает сладостями сына зажиточного мясника.

Доумяо виновато притих и тут же откусил огромный кусок. Пирожное было плотным, рассыпчатым, и не успел он дважды прожевать, как забил себя кулаком в грудь:

— И-и... ик...

Вэй Чэн принялся хлопать его по спине. Он уже привык к тому, что Доумяо вечно то давится едой, то захлёбывается водой. Порой он всерьёз задумывался: как же у этого парня голова устроена?

Наконец тот облегчённо выдохнул и, покосившись на притихшего Горшочка, попытался придать себе важный вид:

— Ох, опозорился перед младшим братцем.

Малыш лишь молча обхватил руку брата, не собираясь её отпустить.

«Хорошо всё-таки, что тогда меня нашёл братик. Если бы я попался этому Доумяо, он бы меня ещё по дороге в горах приморил» — в его маленькой головке промелькнула эта мысль, и ему стало немного не по себе.

Доумяо продолжал:

— У семьи Ли сегодня праздник. Третий сын женится, вот и закололи свиней — говорят, целых трёх! Половину туши на продажу пустят. Батюшку моего позвали и ещё мясника из Цзяншуй.

Он вдруг хлопнул себя по лбу:

— Матушка велела, если придёшь за одежей, сразу тебя к ней вести, чтобы время не терял.

Вэй Чэн зашёл в дом к мяснику Ма. Матушка Доумяо вынесла узел, где в кусок грубой ткани были аккуратно свёрнуты все сшитые вещи и обувь. Он даже не стал ничего проверять — он знал, что эта женщина скорее положит лишнего, чем обделит. Прямо так, большим узлом, он и уложил всё в свой короб.

Когда они вышли со двора, Доумяо спросил:

— Брат Чэн, а ты не пойдёшь посмотреть, как свиней режут?

Вэй Чэн взглянул на малыша и засомневался:

— Мал он ещё, напугается.

— Братик, я хочу посмотреть! — пропищал тот.

— А если ночью бояться будешь? — не унимался Вэй Чэн.

— Братик обнимет, и не буду бояться — кроха обхватил ногу брата и принялся её раскачивать.
— Хочу посмотреть, ну пожа-а-алуйста!

Честно говоря, юноше и самому было любопытно. Забой свиней в деревне — событие почти такое же важное, как свадьба. Везде радость, суета, большие дела.

— Ладно, — согласился он. — Только одним глазком глянем.

Трое детей направились к дому старосты. Ещё за воротами слышался многоголосый гул. Во дворе было не протолкнуться: женщины и мужики обступили двух мясников. Молодые парни из семьи Ли таскали воду и дрова, хозяйки с сияющими лицами хлопотали у котлов, шинкуя овощи. Младшие братья-гээр и сестрицы, боясь мужской толчеи, лишь выглядывали из-за дверных косяков.

Доумяо закричал:

— Папа, мама, я здесь!

Не успел он договорить, как матушка подлетела к нему и пребольно схватила за ухо:

— Опять крошки на одежде! Что ты на этот раз в рот тянул?!

Вэй Чэн повёл Горшочка вдоль двора. К этому времени со свиньями уже было покончено, кровь выпущена, и мясники споро разделывали туши, так что ничего по-настоящему страшного уже не было.

— Чэн, парень!

Ли Далан, старший сын старосты, отложил в сторону нож и радостно окликнул его:

— Батюшка сейчас занят по горло, а сам утром наказывал мне, как закончим — подняться к тебе да мяса занести. Раз уж ты сам пришёл, мне беготни меньше. А ну, иди-ка сюда!

При этих словах гомон во дворе на миг притих. Деревенские во все глаза уставились на Вэй Чэна. Все знали, что он приютил какого-то странного найдёныша, и из суеверия старались держаться подальше. Когда он вошёл во двор, многие даже боком-боком разошлись, освобождая дорогу.

Среди толпы были и родственники юноши. Вэй Саньянь, Третий дядя, не сводил с племянника своего тяжёлого, мёртвенного взгляда серо-коричневых глаз.

Он прошёл за старшим сыном Ли в холодную кладовую. Далан ловким, привычным движением отхватил добрый кусок грудинки с хорошим слоем сала.

Когда он протянул мясо парню, тот неожиданно вытащил двадцать медных монет.

Далан так и замер:

— Ты... откуда у тебя деньги, малый?

— Брат Далан, я в эти дни дрова в лесу заготавливал, продавал в городе. Да ещё удача улыбнулась — зайца поймал, за него сотню монет выручил. — Вэй Чэн решительно положил медяки на стол и только тогда принял мясо. — Ваша семья к нам со всей душой, и я не могу вечно на вашей шее сидеть. Если не возьмёте деньги — значит, за человека меня не считаете.

— Да что ты такое городишь, какой ещё «не считаете»... — Далан, видя непреклонность парня, лишь на мгновение замялся и кивнул: — Ладно. Возьму пока, батюшке передам. А если он назад велел отослать — ты уж не серчай, принесу обратно.

Вэй Чэн улыбнулся:

— С чего мне серчать? Спасибо вам, брат.

Уложив мясо в короб, он взял ребенка за руку и вышел со двора Ли под прицелом десятков колючих взглядов.

Вэй Саньнянь сжал кулаки и хотел было двинуться следом, но Лю-ши удержала его за локоть и зашипела:

— Ты куда поёр?! Знаешь же, что этот щенок проклятый, сглазит ещё, а ты к нему лезешь!

Третий дядя лишь угрюмо промолчал. В этот момент Фан Вэнь, крутившийся неподалёку, подошёл к нему и вкрадчиво прошептал:

— Дядя Вэй, тут такое дело... Не знаю даже, стоит ли говорить.

<http://bllate.org/book/15346/1372675>